

Ш.Ш. Шихалиев **«Кифайат ал-мурид» Ильяса ал-Цудакари как памятник по истории суфизма в Дагестане***

Суфийская литература Дагестана сыграла важную роль в становлении и развитии местной литературной традиции. Деятельность его вторая половина, и особенно первая треть XX в. дают нам большое количество суфийских произведений дагестанских авторов. Археографическая работа в Дагестане выявила более сорока оригинальных сочинений, принадлежащих перу дагестанских шейхов XIX — первой половины XX в.¹

Жанровая и тематическая характеристика этих работ показывает существенную разницу между ними и сочинениями ближневосточных мусульманских суфиев Средневековья, которые были распространены в Дагестане. Отличительной чертой этих работ является то, что если сочинения средневековых авторов посвящены кодификации суфийских терминов, анализу основных суфийских понятий и этических норм и канонов, то в некоторых рассмотренных нами сочинениях дагестанских авторов XIX–XX вв. подробно рассматриваются вопросы ритуальной практики в рамках накшбандийского и шазилийского тарикатов. Примечательно, что ряд работ дагестанских суфийских шейхов отличались оригинальностью мысли, богатством языка и широким охватом затрагиваемых в них вопросов этики и религиозной практики.

В большинстве своем дагестанские суфийские сочинения написаны на арабском языке, хотя встречаются написанные и на некоторых дагестанских языках — кумыкском, аварском, даргинском. Значительное место среди суфийской литературы на национальных языках, как по объему, так и по широте затрагиваемых вопросов, занимает сочинение дагестанского накшбандийского шейха Ильяса ал-Цудакари.

* | Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект «Традиционные и новые формы ислама в России».

1 | Археографические экспедиции осуществлялись под руководством А.Р. Шихсаидова в рамках поддержки фондов «Интеграция», «ИНТАС» и РГНФ в 1998–2008 гг.

Ильяс ал-Цудакари (Ильяс б. Махмуд ал-Цудакари) — известный дагестанский ученый-суфий конца XIX в., который внес существенный вклад в развитие теории и практики суфизма в Дагестане.

К сожалению, творчество этого ученого и шейха все еще не изучено, а его имя популярно и известно только в узком кругу исламоведов и представителей духовенства. Весьма противоречива и его биография, которая известна больше по воспоминаниям его потомков. Ниже дается самая полная его биография, почерпнутая из различных арабоязычных источников. Об Ильясе ал-Цудакари пишет в своем биографическом труде «Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа» дагестанский накшбандийский шейх Шуайб ал-Багини, отмечая: «Достоchtigый ученый Ильяс ал-Цудакари занимался укрощением своей духовной плоти, воскрешением своего сердца и достиг той степени, до которой достиг, так что шейх ал-хаджж 'Абд ар-Рахман ас-Сугури передал ему разрешение на наставничество в тарикате (*изн*)» [ал-Багини, 2003, с. 366].

Другой дагестанский ученый Назир ад-Дургили в своей работе «Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' ад-Дагистан» («Прогулка умов по биографиям дагестанских ученых») в числе более чем двухсот биографий дагестанских ученых более подробно пишет об Ильясе ал-Цудакари: «Он был из хутора Аматахарк. Он получил образование у ученых своей эпохи, у ученого Ильяса ал-Цудахари ал-Кадани. [В целях получения образования] он посетил Акуша и другие общества. Накшбандийский тарикат он принял у известного шейха ал-хаджж 'Абд ар-Рахмана ас-Сугури, да будет доволен им Аллах, от которого получил иджазу на наставление и обучение [в тарикате].

Затем старая российская власть выслала его в Самарскую губернию и поселила в городе Новоузенск. Тогда ему было 53 года. Здесь он оставался несколько лет, наставляя людей [в тарикате] и давая им разумные советы. К нему приезжали люди со всех областей: Дагестана, Казани и других мест.

У него были дружеские связи и беседы с учеными Казани, Татарии, с их шейхами. С некоторыми из них он знакомился по переписке, а с некоторыми — через (личные) встречи.

[Как-то] достопочтенный Исма'ил Гаспрали ал-Крими, редактор газеты «Тарджуман», послал ему письмо, в котором он спрашивал о возможности переписывания мелкими буквами Корана, размером с ладонь. Шейх ответил на это согласием и написал в его адрес стихи, выразив свою благодарность за это. После этого маленький Коран, отпечатанный в Бахчисарае, получил широкое распространение в других областях.

К тем, кто знал этого шейха, относится и достойный ученый Атауллах ат-Татари ал-Казани, бывший [в то время] имамом и кадием в городе Йенгикала². Шейх был удивительным [человеком] своей эпохи,

2 | В переводе с тюркского означает «новая крепость». Имеется в виду Нижний Новгород.

[был] любезным, добродетельным, благочестивым, богобоязненным, красноречивым, внушал большое почтение и имел белую бороду. Люди сидели при нем так, будто на головах их птица, и они были не в состоянии смотреть на его светлое лицо. Это из-за большого почтения и силы его. Он был переполнен светом божественного знания (*файд*), познавшим тонкости тариката, способ лечения больных душ и сердец. У него было много последователей из знати и простого народа. Многие из них уже скончались.

Произошло так, что он оживил практику накшбандийского тариката после ас-Сугури, да будет доволен ими Аллах.

Он был погружен в поклонение и частое поминание Аллаха, был борцом на пути Аллаха. Все дни и ночи он проводил в призыве [к Аллаху], наставлении и увещевании. Он часто мягко разговаривал с людьми, склонял их ожесточенные сердца к истине. Во время беседы он отличался тем, что часто приводил примеры. Он часто посылал в (различные) края свои наставления, в которых он призывал людей к Аллаху и к вере. Его сын Махмуд служил ему, был помощником во всех его делах. Махмуд, его мать, жена [шейха] Заза, дочь ‘Али ал-Цудахари, жили вместе с ним. У него был младший сын по имени Мухаммад. У шейха имеются [собственные] сочинения: “Суллам ал-мурид” на арабском языке, изданное в типографии в Казани и “Кифайат ал-мурид” на кумыкском языке. Он автор многих касыд, аскетических поэм (*зухдийат*), хвалебных од и других. К концу своей жизни шейх стал немощным, не мог ни стоять, ни ходить из-за болезни. В таком состоянии он находился в течение семи лет в Новоузенске, где и умер в 1322 г., 15 раби ал-аввал (30 мая 1904 г.). Затем его останки были перенесены в гробу в Дагестан на поезде. Он был похоронен в селении Параул Темир-Хан-Шуринского округа. (Могила его) известна и посещается (многими людьми), да будет доволен им Аллах» [ad-Durgilis, 2004, p. 234–236, 152–154].

Самую же полную биографию приводит сам Ильяс ал-Цудакари в одном из своих сочинений: «Я, нуждающийся во Всевышнем Аллахе, Илийас б. Мухаммад ал-Цудакари ал-Аматхаркмаки, изучал науки в даргинских селах Акуша, Мути, Урахи и в других селах. В 1278 (1861–62) году я изучал Махалли ал-а‘ла³ у устаза Илийаса б. ‘Алибека ал-Цудакари ал-Кадани. Когда мы дошли до главы “Гасб”, мы прекратили чтение этой книги и вместе с Йусуфом б. Муртада ‘Али ал-Цудакари и с Хаммадом ал-Бухари начали изучать Джалал ал-асфал⁴, начиная с суры “Кахф” (“Пещера”). Они уехали до завершения изучения этой книги, а когда мы с учителем завершили, то начали изучать Джалал ал-а‘ла⁵, начиная с суры “ал-Бакара” (“Корова”).

3 | Комментарий на «Минхадж ат-талибин» Шарафулдина ан-Навави.

4 | Комментарий Джалалуддина Махалли к Корану.

5 | Комментарий к Корану написанный учеником Джалалуддина ал-Махалли — Джалалудином ас-Суйути.

Когда мы ее закончили, я покинул с. Муках, из-за того, что там было много обучающихся и было тяжело учиться. Я приехал в с. Какашура — одно из сел равнины и жил там. Мута'алимы, которые жили при мечети этого селения, были довольны моим прибытием и брали у меня уроки. Я преподавал им с усердием. У кадия селения — Хусайна я начал изучать книгу Махалли, начиная с раздела “Гасб”. Ученики получали пользу от меня, а я также получил пользу от их кадия. Однажды, когда я сидел в комнате (*худжре*) вместе с учеником из Дургели, которого звали Умалат, я сказал ему, что не видел правителя селения [Какашура] — Алисултана, и мне было бы интересно посмотреть на него. Умалат сказал мне: “Какая тебе польза от того, что ты увидишь его? Увидеть ал-хаджж Ахмада ас-Сугури будет лучше и полезнее [для тебя], чем увидеть его (правителя. — Ш. Ш.)”. Я спросил у него: “Кто за человек этот ал-хаджж Ахмад, откуда он и где живет?” Тот ответил мне, что ал-хаджж Ахмад ас-Сугури живет в с. Дургели, в уединении, его посещают мужчины и женщины и получают благодать (*баракат*) за свое посещение (*зийарат*) его. Он их наставляет по пути Всевышнего Аллаха.

Мое сердце охватило духовное влечение к ал-хаджж Ахмаду ас-Сугури, и я попросил в мольбе Всевышнего Аллаха сделать так, чтобы мы с ним встретились. Я посетил его вместе с остальными мужчинами из с. Какашура в четверг и остался в его обществе в ночь на пятницу. Вместе с ним собралось много мужчин, он зажег светильник и начал совершать *зикр*. На следующий день, в пятницу, я пошел вместе с ним на пятничную молитву, он прочел проповедь и совершил молитву вместе с людьми. Я получил большую пользу и вернулся в Какашуру. Время от времени я посещал его вместе с какашуринцами, однако из-за своей занятости в учебе и боясь, что я не смогу регулярно совершать *вирды*, я не стал его муридом. Затем я услышал от людей, что есть еще более великий шейх, чем ал-хаджж Ахмад, которого зовут ал-хаджж ‘Абд ар-Рахман ас-Сугури и который живет в с. Согратль. Это великий шейх и совершенный наставник (*муриид*), обладающий огромной благодатью. Однажды я посетил этого шейха. При первом моем посещении, я вошел к нему без разрешения, так как я не знал (суфийскую) этику по отношению к шейхам, и я получил только небольшую пользу. Затем я посетил его во второй раз и зашел к нему с его разрешения. Меня охватила сильная любовь к нему (*джазба*). Он поручил мне совершать *зикр* 5 тысяч в сутки. Я вернулся домой и начал выполнять это его задание. Затем я посетил его еще раз, и он поручил мне выполнять дополнительные молитвы и наставлять членов своей семьи. После этого он поручил мне уединиться в своем доме сорок дней. Когда я вернулся домой, я вырыл яму у входа в дом, так, что никто не знал об этом за исключением жены и моего друга Хаджжи Хусайна б. Мамма ал-Аматхарки. Я спустился в эту яму, соблюдая пост, и пробыл там сорок дней. Когда я вышел оттуда, я посетил свое-

го шейха, сел перед ним и начал спрашивать его о некоторых вещах. Он сказал мне: “То, что ты спрашиваешь меня — это то, что ты совершил по поручению великих шейхов. Ты — преемник (*мазун*) мой и [моих предшествующих] шейхов. [И ты должен] наставлять людей в тарикате. Ты доволен этим заданием?” Я сказал: “Да. Однако я не подхожу для этого и не смогу это (задание) выполнить. У тебя есть более подготовленные и более образованные муриды”. Он сказал мне, да будет им доволен Аллах: “Тебе необходимо взять на себя это. Воистину, души шейхов довольны тобой, наставляй людей в тарикате и не бойся. Если Аллах захочет, он поможет тебе”.

Я последовал его повелению, и когда я прибыл к себе домой, то сообщил своим друзьям и близким о том, что сказал мне шейх. Они поверили мне, взяли у меня обет (*ал-ахд*) и стали моими муридами. Много людей вошли в духовную цепочку преемственности (*силсилу*) нашего тариката. Спустя несколько лет после этого события случилась война между мусульманами и неверными, и разразилась смута (*фитна*) между людьми. Неверные разрушили Согратль и повесили сына шейха — Хаджжи-Мухаммада и его родственника ‘алима хаджжи ‘Абдуллаха и других на горе Гуниб и пленили нашего шейха [держа его под домашним арестом] в селении Нижнее Казанище. [‘Абд ар-Рахман ас-Сугури] жил в доме ал-хаджж ‘Абд ал-Маджида ал-Газанищи, и много людей посещало его. Я тоже тайно посещал его, опасаясь неверных. Однажды, после пятничной молитвы, я пошел к нему домой с двумя товарищами из селения Халимбекаул — ‘Абд ар-Раззаком и Атавом. Мы посидели с ним, поговорили, а когда уходили, он сказал мне, чтобы я пришел к нему на следующий день.

На следующий день, когда я пришел к ‘Абд ар-Рахману ас-Сугури, то увидел что он совершает *вирд* так, что его тело сотрясается, как дерево в ветреный день. После того, как он закончил совершать *вирд*, он беседовал со мной до предвечерней молитвы. Он сказал мне, чтобы после его смерти я никого из мужчин и женщин не делал муридами без соответствующего испытания. Я сказал ему: “О, мой господин, если ты оставляешь мне такое важное дело, то я его приму. Но я человек немощный, у меня нет больших знаний, в то время, когда у тебя есть муриды с большими знаниями, наделенные большим усердием в служении Аллаху. Сделай одного из них своим преемником для наставления людей и освободи меня от этого дела. Я не достоин этого”. Шейх сказал мне, да будет свята его душа: “Тебе необходимо совершать это дело. Воистину, души шейхов довольны тобой и не бойся того, что люди будут отвергать твои задания. Воистину, Всевышний Аллах научил тебя тем наукам, которые необходимы. Ты должен выполнить это после того как я покину этот мир”. Я не смог послушаться его и подчинился ему. Затем оттуда я поехал в селение Параул и прожил там десять дней или больше, так как жители этого селения просили меня пожить у них немного для чтения *мавлидов*. Оттуда я отправился в селение Утамыш

для совершения *халвата* и находился там все эти дни. Оттуда я отправился в селение Мукри и прожил там более пятнадцати дней. Там я услышал о том, что мой шейх переселился в мир вечности. Я отправился в Нижнее Казанище через села Губден и Какашуру и прожил там, в Казанище, одиннадцать дней, посещая могилу моего шейха. Он был похоронен в середине сельского кладбища. Его семья и муриды хотели построить там дом для тех, кто будет совершать паломничество на его могилу, однако ученые не разрешили строить дом на могиле [ввиду нарушения этим шариата]. Тогда его дочь Марйам купила небольшой участок сада, примыкающий к кладбищу, затем тело шейха извлекли из могилы и перезахоронили на этом купленном участке. Те, кто спустились в могилу, и тот, кто присутствовал при этом, рассказывали, что его благословенное тело было подобно спящему, оно не изменилось, хотя находилось в могиле более сорока дней. Его могила источала свет божественной сущности (*файд*) так, что его видели все люди, даже нечестивцы. После этого один из муридов шайха Шахрухан ал-Анди купил весь участок земли [примыкающий к кладбищу,] и огородил его, после того как построил дом над его благородной могилой. После этого люди приходили ко мне на *зийарат* для наставления, и они получали пользу от бараката шейха (ас-Сугури). И хвала Аллаху» [ал-Цудакари, 1904, с. 248–252].

Особый интерес представляет сочинение Ильяса ал-Цудакари «Кифайат ал-мурид фи тарикат ат-тавхид» («Достаточность для мурида на пути единобожия») на кумыкском языке.

Сам автор, будучи этническим даргинцем, не случайно написал это сочинение именно на кумыкском языке, который он превосходно знал, так как продолжительное время обучался в кумыкских селах Какашура и Доргели. Дело в том, что в дореволюционном Дагестане в предгорьях и на равнине кумыкский язык служил в качестве языка межнационального общения. Этот язык знали представители других этнических групп (аварцы, даргинцы, лакцы и т.д.), которые в процессе экономической или иной деятельности были тесно связаны с кумыками, населявшими равнины и предгорья. В дореволюционном Дагестане кумыкский язык играл также важную роль не только как язык общения, но и частично как язык просвещения. К примеру, среди книг, изданных арабографическим шрифтом на языках народов Дагестана, на кумыкском языке было издано 152 сочинения, тогда как на аварском — 90, на даргинском и лакском — по 34 [Каталог..., 1989]. Таким образом, книги на кумыкском языке составляют половину от общего количества книг, изданных в дореволюционном Дагестане в арабской графике на национальных языках. Возможно, относительно небольшое количество сочинений на аварском, даргинском и лакском языках было связано с тем, что представители интеллектуальной элиты этих народов предпочитали писать больше на арабском языке, хотя число хорошо знающих арабский язык было относительно невелико, в срав-

нении с теми, кто читал на родных языках. Вероятно, для большего охвата читательской аудитории Ильяс ал-Цудакари решил написать свое сочинение «Кифайат ал-мурид» именно на кумыкском, а не на своем родном даргинском языке.

Вот что пишет по этому поводу сам автор: «Я видел многих мужчин и женщин, которые вступили в тарикат, но не знают ничего из того, что им положено знать относительно догм ислама, религиозных обрядов и суфийской этики. В то же время они не могут почерпнуть эти нужные сведения и ответы на важные религиозные вопросы из достоверных источников, так как они не знают арабского языка. Тогда я решил написать сочинение на тюркском (кумыкском. — *Ш. Ш.*) языке, чтобы довести до людей все то, что им необходимо знать из религиозных знаний» [ал-Цудакари, 1904, с. 2].

Следует отметить, что дореволюционная кумыкская литература не имела норм единого литературного языка. До середины XIX века практически вся кумыкская литература была написана на северо-кавказском варианте тюрки, который был также языком официальной и деловой переписки в ряде регионов Северного Кавказа. [Оразаев, 2002]. Середина XIX в. считается началом нового этапа в развитии кумыкской литературы. В этот период в кумыкской литературе наблюдается постепенный переход языковой традиции от тюрки к кумыкскому. Начиная с этого периода практически все кумыкские ученые и просветители конца XIX — начала XX в. (Магомед-Эфенди Османов, Абусуфьян Акаев, Шихаммат-кади Байболатов, Нухай Батырмурзаев и др.) писали произведения на своих диалектах (буйнакском, хасавюртовском, подгорном) и говорах (казанищенском, аксаевском, параульско-доргелинском, дженгутаевском и т.д.). Формирование же современного кумыкского литературного языка, в основу которого легли буйнакский и хасавюртовский диалекты, произошло в 30-х годах XX века, примерно в тот же период, когда вся национальная литература перешла от арабской графики к латинице, а затем к кириллице.

Таким образом, Ильяс ал-Цудакари написал свое сочинение на параульско-доргелинском говоре подгорного диалекта кумыкского языка. В настоящее время этот говор имеет хождение в пяти селах — Парул, Доргели, Гели, Аданак, Какашура. В тексте «Кифайат ал-мурид» встречаются следующие слова, написанные с нарушением сингармонизма гласных, что характерно для этого говора и подгорного диалекта в целом: «геса», вместо литературного «гесе» — «режет»; «бирча», вместо литературного «бирче» — «вместе»; «суйганлариндан», вместо «суйгенлеринден» — «из тех, которые любят»; «этаган», вместо «этеген» — «делать, совершать». Любопытно, что автор в тексте иногда использует арабские лексические и грамматические формы, адаптированные под грамматику кумыкского языка. К примеру, в тексте часто встречается слово «хасаислар» — «особенности», при разборе которого можно выделить корень «хасаис» — «особенности», являющийся арабской формой

«разбитого» множественного числа, и тюркского, в данном случае кумыкского, окончания «-лар», означающего множественное число существительного. В тексте также часто встречаются арабизмы, причем даже в том случае, когда в кумыкском языке имеются лексические эквиваленты — арабский «*накис*» вместо кумыкского «*кем*» — «недостаточный». Кроме того, вводная часть, названия глав и некоторые термины, а также автобиографическая часть написаны на арабском языке.

В Дагестане сочинение Ильяс а-л-Цудакари «Кифайат ал-мурид» известно в печатном и рукописном списках.

Печатный вариант этого сочинения был издан наборным способом в Казани в 1904 г. На первой странице книги имеется следующая запись на татарском языке: «Эта книга издана в Казани в 1904 г. в типографии наследников Чирковой на средства сыновей шейха Ильясахаджи — Махмуда и Мухаммада, их жен и с помощью усердия Махмуда-эфенди» [ал-Цудакари, 1904, с. 1].

Далее, на той же странице имеется надпись на татарском и русском языках в арабской графике и на кириллице соответственно: «Дозволено цензурой С.-Петербургу, 29 декабря 1903 г.».

Интересная запись на арабском языке содержится и в конце печатного издания этого сочинения: «Закончил переписку этой книги «Кифайат ал-мурид фи тарикат ат-тавхид» шейха Ильяса б. ал-Цудакари... в ночь на пятницу 23 мухаррама 1320 / 2 мая 1902 года немощный раб Ника Мухаммад б. Курбан ад-Дургили⁶ [Оразаев, 2003, с. 294, 300], да простит Аллах его грехи и грехи всех мусульман. Я, бедный пленник, автор этой книги Ильяс б. Махмуд ад-Дагистани ал-Цудакари, арестант [,находящийся] в Сибири, в крепости Новоузенск, в одном из городов Самары, закончил просмотр этой книги от начала до конца в понедельник 3 числа месяца раби ал-аввал 1320 / 10 июня 1902 года».

Кроме печатного издания в Дагестане имеются также два рукописных списка этого сочинения, известные в единичном экземпляре. Оба этих списка хранятся в коллекции соборной мечети с. Параул Ка-рабудахкентского района.

Первая рукопись (список А), объемом 422 страницы, написана на белой, тонкой, фабричной бумаге формата 17 x 22 см. Текст рукописи написан почерком *наسخ* черными чернилами, названия отдельных глав написаны красными чернилами. В конце рукописи имеется следующий колофон на арабском языке: «Хвала Аллаху, Господу миров. Закончил [это сочинение] в четверг, без четверти двенадцать, двадцать первого числа месяца шабан 1318 / 14 декабря 1900 года. Хвала Аллаху, хвала Аллаху, хвала Аллаху за завершение с начала до конца, то, что скрыто и явно [в этой книге], за то, что Он помог мне написать эти буквы, начертать эти строки, вместе с тем, что я был немощен, без

6 | Отец известного дагестанского ученого, автора биографического сочинения «Нузхат ал-азхан фи тараджим 'улама' ад-Дагистан» Назира ад-Дургили.

сил. Все приветствия и благословения Его посланнику Мухаммаду, его семье и сподвижникам, всем. Я, немощный пленник, Ильяс б. Махмуд ал-Цудакари, составил эту книгу, будучи больным, в постели и с помощью Всевышнего Аллаха, завершил ее. Однако я не в состоянии прочитать ее еще раз и отредактировать. И все же, если на то будет воля Аллаха, я намереваюсь отредактировать ее и надеюсь на то, что мое тело наполнится силой для того, чтобы проверить переводы с арабского на тюркский язык и исправить все ошибки. И мир [вам]». Данный колофон однозначно показывает, что этот список является автографом.

Вторая рукопись (**список Б**), объемом 453 страницы, написана на тонкой, пожелтевшей фабричной бумаге российского производства, формата 17,5 x 22,5. Текст написан почерком *насх* черными чернилами. Названия глав выделены красными и зелеными чернилами. Рукопись дефектна, отсутствуют первый и последний листы. Имя переписчика тоже отсутствует.

Очевидно, что это сочинение было написано Ильясом ал-Цудакари в городе Новоузенске Самарской губернии и было завершено 14 декабря 1900 г. (надпись в колофоне автографа).

Для того чтобы издать это сочинение в типографии, Ильяс Ал-Цудакари поручил своему муриду Ника Мухаммаду из Дургели отредактировать и переписать рукопись, подготовив ее для издания. Ника Мухаммад ад-Дургели закончил переписку 3 мая 1902 г. и выслал переписанную копию этого сочинения для ознакомления самому автору. Ильяс Ал-Цудакари, получив эту копию, ознакомился с ней 10 июня 1902 г. Затем сыновья Ильяса Цудахарского — Махмуд и Мухаммад, после получения разрешения в Петербурге 29 декабря 1903 г., доставили копию в Казань, где она и была издана в 1904 г.

Примечательно, что в центральной мечети с. Карабудахкент нами недавно было обнаружено письмо Ника Мухаммада, адресованное Джамалуддину-хаджи Карабудахкентскому, где автор пишет о том, что получил письмо своего шейха Ильяса ал-Цудакари из Сибири с просьбой посмотреть и отредактировать с точки зрения стиля и содержания фрагмент, переведенный им с арабского на кумыкский язык. То есть, сравнить адекватность фрагмента данного перевода. Таким образом, можно предположить, что автограф, с которого переписывал сочинение Ника Мухаммад, впоследствии был передан в мечеть селения Параул, где был похоронен Ильяс ал-Цудакари.

Любопытно, что в автобиографической части этого сочинения следующий фрагмент текста, имеющийся в автографе, не вошел в изданный вариант: «Затем ко мне начало приходить все больше и больше людей, в том числе и лицемеры (*мунафикун*), служащие неверным, которые желали властвовать на земле и уничтожить религию. Возвысившись, они не думали о простом народе. Наибы начали рассказывать своим правителям о тарикате, и их охватил страх того, что мы не пре-

кратим это. Затем мое дело [распространение тариката] дошло до начальника Дагестана, который очень сильно разозлился и приказал меня арестовать. Меня посадили в тюрьму Темир-хан-Шуры, где я находился три месяца. Затем меня выслали в город Новоузенск Самарской губернии». Вероятно, негативная оценка, которую автор дал представителям власти, не могла пройти цензуру перед изданием, и этот фрагмент текста удалили. Таким образом, обозначенный фрагмент текста сохранился лишь в автографе.

Что касается структуры сочинения, то оно состоит из трех основных разделов: *иман*, *ислам* и *ихсан*. Понятие *ал-ихсан* интерпретируется некоторыми богословами как основа суфизма. Как пишет по этому поводу сам автор: «Хоть этих разделов три, в действительности, они составляют единое целое, как одно плодоносящее дерево. Корнем этого дерева является *иман*, стволом — *ислам*, а плодами *ихсан*» [ал-Цудакари, 1904, с. 3].

В первом разделе Ильяс ал-Цудакари рассматривает основные понятия мусульманской догматики: веру в Аллаха с описаниями Его атрибутов; веру в ангелов с описанием возложенных на некоторых из них обязанностей; в ниспосланные священные писания; в посланников Аллаха с названием тех из них, которые упоминаются в Коране; вера в Судный день и воскрешение мертвых; вера в предопределение.

Во втором разделе Ильяс ал-Цудакари поясняет сущность пяти столпов ислама: принятие свидетельства о том, что нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад Его посланник (*аш-шахада*); ежедневная пятикратная молитва (*ас-салам*); выплата налога в пользу неимущих (*аз-закат*); обязательный пост в месяц Рамадан (*ас-саум*), и совершение паломничества у кого есть на это возможности (*ал-хаджж*). В этой главе рассматриваются принципы и порядок совершения ритуальных обрядов и обязанностей мусульман, таких как совершение ритуального омовения, пятикратной обязательной, коллективной и пятничной молитв, молитвы по усопшим, условия и порядок выплаты заката — налога в пользу неимущих, соблюдение обязательного и дополнительных постов, порядок и условия паломничества в Мекку.

И, наконец, в третьем разделе автор рассматривает понятие «*ихсан*» — чистосердечие в исполнении религиозных обязанностей. Этот последний раздел начинается с упоминания и краткой биографии «золотой» цепи (*силсилы*) накшбандийского тариката, начиная традиционно с краткой биографии пророка Мухаммада и завершая краткой биографией наставника Ильяса ал-Цудакари — Абдурахмана ас-Сугури и автобиографической частью, изложенной выше. Эта же глава далее посвящена вопросам суфийской этики и практики накшбандийского тариката. В нем Ильяс ал-Цудакари рассматривает следующие вопросы: покаяние и его достоинство; предпочтение зикра другим деяниям; внушение зикра муриду его шейхом и обет, который дает мурид своему шейху; порядок совершения зикра; порядок и условия совершения му-

ракаба (самоконтроль мурида за собственными ощущениями); этика взаимоотношений мурида и шейха; этика любви муридом своего шейха; *рабита* (духовная связь) мурида со своим шейхом, когда он находится рядом, когда отсутствует или умер; этика тариката. Завершается это сочинение глоссарием суфийских терминов с подробными пояснениями на кумыкском языке.

В целом, сравнивая тексты сочинений по суфизму дагестанских шейхов XIX в., можно заметить сходство в композиционном строении этих сочинений, вплоть до одинаковых фраз и стиля изложения в некоторых работах.

Умер Ильяс Ал-Цудакари 24 апреля 1904 г. в российской ссылке, затем его тело было доставлено в Дагестан и захоронено в с. Параул. На надмогильной стеле у зиярата Ильяс Цудахарского имеется любопытная надпись на арабском языке следующего содержания: «Переселился [в мир вечности] выдающийся ученый (*ал-'аллама*), совершенный наставник (*ал-муришид ал-камил*) Илйас б. Махмуд ал-Цудакари ал-Аматхаркмаки в восьмой день месяца сафар 1322 (24 апреля 1904) года в городе Новоузенск Самарской губернии, где он находился в ссылке из-за возвышения им религии Аллаха и возрождения им Его пути. И распространилась [в тех землях] наука и тарикат. Он наставлял [на путь тариката] жителей тех областей и распространился от него на них свет божественной сущности (*файд*). Он был больным девять лет и написал две великолепные книги: «Суллам ал-мурид» и «Кифайат ал-мурид». Когда он скончался, то был похоронен там [и находился в могиле] двадцать девять дней. Затем его сыновья Махмуд и Мухаммад по железной дороге перевезли его [тело] в ящике (*табут*), привезли в Дагестан и похоронили в селении Параул. После того как прошло три месяца, его могилу вскрыли, чтобы вытащить его [тело] из нее. И увидели [что он был,] как живой, спящий, не изменившийся. Да будет Аллах им доволен, да освятит его душу, могилу, распространит через него свет Своей сущности (*файд*), и сделает пользой до конца света!»

Список источников и литературы

- ad-Durgilis, 2004 — *Nadīr ad-Durgilīs* (st. 1934). Nuzhat al-adhān fi tarāḡim ‘ulamā’ Dāḡistān / Hrsg., übersetzt und kommentiert von Michael Kemper und Amri R. Šixsaidov / Muslim Culture in Russia and Central Asia. Vol. 4: Die Islamelehrten Daghestans und ihre arabischen Werke. Berlin, 2004.
- ал-Багини, 2003 — *Шу’айб б. Идрис ал-Багини*. Табакат ал-хваджакан ан-накшбандийа ва садат ал-маша’их ал-халидийа ал-махмудийа. Димашк, 2003.
- ал-Цудакари, 1904 — *Ильяс ал-Цудакари*. Кифайат ал-мурид фи тарикат ат-тавхид. Казань, 1904.
- Каталог..., 1989 — Каталог печатных книг и публикаций на языках народов Дагестана (дореволюционный период) / Сост. и автор предисловия А.А. Исаев. Махачкала, 1989.
- Оразаев, 2002 — *Оразаев Г.М.-Р.* Памятники деловой тюркоязычной переписки в Дагестане XVIII в.: (Опыт историко-филологического исследования документов фонда «Кизлярский комендант»). Махачкала, 2002.
- Оразаев, 2003 — *Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. Кн. 1. Махачкала, 2003.